

На правах рукописи

Шульгина Кристина Витальевна

**ВТОРИЧНЫЕ ИНВЕКТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ
В ПРОТОКОЛЕ ДОПРОСА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Кемерово – 2022

Работа выполнена на кафедре современного русского языка и методики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева».

Научный руководитель:

Осетрова Елена Валерьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка и методики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева».

Официальные оппоненты:

Плотникова Анна Михайловна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстологии федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»;

Дударева Яна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Ведущая организация:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского».

Защита состоится 25 июня 2022 года в 14.00 на заседании диссертационного совета Д212.088.01, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет», по адресу: 650000, Кемерово, ул. Красная, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кемеровского государственного университета и на сайте <http://www.kemsu.ru>.

Автореферат разослан __ мая 2022 г.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте КемГУ: <https://kemsu.ru/science/dissertation-councils/diss-212-088-01/protects/22753/>.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А.В. Проскурина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящая диссертационная работа посвящена исследованию вторичных инвективных высказываний в протоколе допроса по уголовным делам об оскорблении, а именно, определению их синтаксических, семантических и коммуникативных характеристик. Это дает возможность осветить проблему использования протокола допроса как источника информации о реальной речевой ситуации и ее обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовным делам и, соответственно, становящихся объектами исследования в рамках судебной лингвистической экспертизы.

Актуальность настоящего исследования обусловлена решением экспертных задач при производстве лингвистической экспертизы по уголовным делам о речевых преступлениях, в частности, об оскорблении.

На современном этапе развития судебной лингвистической экспертизы исследователи криминалистического материала – ретранслированных и занесенных в протокол допроса инвективных высказываний – не имеют общепринятых приемов и способов их анализа. Данное положение дел приводит к разделению экспертных мнений относительно квалификации занесенных в протокол допроса инвективных высказываний как объектов исследования, а отсюда к формированию определенной исследовательской проблемы.

Одни представители экспертного сообщества рассматривают вторичные (репродуктивные, ретранслированные) высказывания как непригодные для анализа ввиду утраты ими важных лингвистических характеристик (Н. Ю. Мамаев, Т. В. Назарова, Е. А. Гримайло, А. В. Громова и др.). Другие исследователи занимают альтернативную позицию, допуская использование зафиксированного в протоколе допроса речевого материала (К. И. Бринев, В. О. Кузнецов, А. М. Плотникова). Во втором случае объекты лингвистического исследования дифференцируются по отношению к источнику информации на непосредственные и опосредованные (К. И. Бринев). К опосредованным, или косвенным, источникам информации относятся в том числе и протокол допроса.

Экспертный опыт автора диссертации показывает, что устно-речевое произведение, ставшее причиной проведения процессуальной проверки по факту оскорбления, может быть зафиксировано а) через показания участников уголовного судопроизводства, б) посредством использования звукозаписывающего устройства. При этом протокол допроса как результат фиксации следователем показаний потерпевшего, подозреваемого, свидетеля относится к косвенным источникам информации, а фонограмма как результат записи события речевого оскорбления – к непосредственным.

В действительности самым распространенным источником информации о событии речевого оскорбления, поступающим в судебно-экспертные учреждения, является именно протокол допроса. Это связано с тем, что «процесс» оскорбления не всегда может быть зафиксирован на фонограмму: стремительное возникновение и разрешение конфликтной коммуникации часто не позволяет провести такую фиксацию. Устройства звукозаписи может просто не оказаться в распоряжении

участников и/или свидетелей.

Таким образом, с учетом потребностей следствия и состояния судебной лингвистической экспертизы исследование вторичных инвективных высказываний и ситуативного контекста оскорбления, представленных в протоколе допроса, является на сегодняшний день весьма актуальным. Отношение к протоколу допроса как к носителю информации об объекте нуждается в корректировке, а именно, в смещении акцента с его субъективной оценки («пригодный» / «непригодный» носитель информации) – на объективный анализ имеющегося лингвистического материала (единственно доступный носитель информации).

Объектом исследования определено вторичное инвективное высказывание. Под вторичным инвективным высказыванием в протоколе допроса в настоящей работе понимается речевое произведение, имеющее высказывание-основу, содержащее специфическую оценочную лексику и продуцируемое в преобразованном виде автором-ретранслятором. Под первичным же инвективным высказыванием понимается высказывание, непосредственно реализованное в ситуации оскорбления и послужившее основой для вторичного.

Предметом исследования является языковое и речевое устройство вторичного инвективного высказывания, обстоятельства реализации которого зафиксированы в протоколах допроса по уголовным делам.

Цель работы – выявление семантической, формальной и коммуникативной структуры вторичных инвективных высказываний, которые – представленные в протоколе допроса – отражают первичные (прототипные) инвективные высказывания, реализованные в ситуации оскорбления.

Цель предусматривает решение следующих *задач*:

1. Рассмотреть первичные и вторичные (производные) тексты как объект изучения лингвистики; соотнести понятия «вторичный текст» и «вторичное высказывание»; дефинировать используемые в данной работе понятия первичного и вторичного инвективного высказывания.
2. Представить протокол допроса как текстовый документ юридической сферы, определив его структурные, функционально-стилевые особенности и особенности жанровой организации.
3. Определить базовые жанровые характеристики вторичных инвективных высказываний.
4. Исследовать протокол допроса на предмет имеющейся в нем информации о ситуации речевого оскорбления (ее обстоятельствах, участниках и их поведении), на основании этого реконструировать семантическую и формальную структуру соответствующей языковой информации.
5. Установить специфику вторичной репрезентации инвективного высказывания в семантическом и формальном аспектах; оценить и систематизировать средства маркирования вторичных инвективных высказываний в протоколе допроса.
6. Соотнести свойства вторичного инвективного высказывания со свойствами оригинального, первичного, инвективного высказывания.
7. Соотнести свойства вторичных инвективных высказываний, имеющих

высказывание-основу, зафиксированное на фонограмме, и производных инвективных высказываний, не имеющих фонографической основы в материалах уголовного дела.

8. Рассмотреть проблему достоверности вторичных инвективных высказываний и представить вариант решения вопроса о верификации их достоверности.

Материалом исследования послужили показания участников уголовного судопроизводства, зафиксированные на русском языке в протоколах допроса и содержащие сведения о речевом преступлении, являющемся предметом разбирательства при расследовании уголовных дел в порядке статей 319¹ и 297² Уголовного кодекса Российской Федерации – всего 200 скан-копий протоколов допроса по 50 уголовным делам. Протоколы допроса объединены в картотеку по дате поступления документа в экспертное подразделение. Текстовый объем анализируемой описательной части протоколов допроса составляют более 150 000 словоупотреблений. Общее количество инвективных высказываний, извлеченных из протоколов допроса, – 300 единиц. Кроме того, в материал исследования включены аудио- и видеозаписи ситуаций речевого оскорбления – всего 21 медиафайл, общей длительностью примерно 2,5 часа.

Методико-теоретическую базу исследования определили идеи и положения семантического синтаксиса (Ш. Балли, Е. В. Падучева, Т. В. Шмелева, Е. В. Осетрова, А. С. Мустайоки, М. В. Всеволодова, И. М. Кобозева, Г. И. Володина, М. Ф. Шацкая, С. В. Шустова), конструктивного синтаксиса (Н. Ю. Шведова, В. А. Белошапкова, Г. А. Золотова), теории речевых жанров (Т. В. Шмелева, Н. М. Татарникова). В границах обозначенной темы особенно востребованными оказались работы, авторы которых изучают категорию достоверности информации (Е. В. Осетрова, Н. С. Бельская, Н. Н. Панченко, А. М. Плотникова, А. А. Караванов, И. Ю. Устинов); оценку как логико-семантическую категорию (Е. М. Вольф, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев, З. К. Темиргазина, Н. Д. Арутюнова, Г. Ф. Гибатова, Г. А. Золотова, Т. В. Маркелова, Т. И. Вендина); речевую ситуацию оскорбления и средства вербального оскорбления (К. И. Бринев, М. А. Осадчий, А. М. Плотникова, Т. С. Шахматова, М. А. Грачев, О. Н. Матвеева, Ю. М. Щербинина, В. С. Третьякова, И. А. Стернин, В. И. Жельвис); текст как объект лингвистического исследования (И. Р. Гальперин, З. Я. Тураева, А. Ф. Папина, О. А. Лаптева); протокол допроса как особый тип документа (Е. Е. Абрамкина, Л. М. Месропян, Е. И. Галяшина, А. М. Плотникова); наконец, феномен вторичного текста (М. В. Вербицкая, С. В. Ионова, Н. Д. Голев, Н. В. Мельник, Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн, А. И. Новиков, Н. Л. Сунцова, А. А. Чувакин, А. С. Кузнецова,

¹ Публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением.

² 1. Неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства. 2. То же деяние, выразившееся в оскорблении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия.

А. С. Николаева, Л. М. Майданова, Ю. В. Трубникова, С.Н. Покидышева, Л. В. Сахарный, С. В. Первухина, И. В. Савельева, О. Н. Анциферова, Ю. А. Дымант, Е. А. Княжева, А. З. Атлас, О. Ф. Васильева, К. Такахаси, Л. В. Бабина).

Для решения поставленных задач в работе использованы общенаучные *методы* исследования (наблюдение, описание, сравнение, моделирование), лингвистические методы – семантического, стилистического, функционального, количественного анализа, методы пофакторного и компонентного анализа высказывания, а также метод спектрального анализа звучащей речи.

Научная новизна работы заключается в следующем.

1. Дана дефиниция «вторичного» инвективного высказывания, зафиксированного в протоколе допроса по уголовным делам об оскорблении – в соотношении с дефиницией высказывания-прототипа – «первичного» инвективного высказывания.
2. Представлены базовые жанровые характеристики первичного и вторичного инвективных высказываний.
3. Выявлены репрезентированные в протоколе допроса компоненты ситуации речевого оскорбления.
4. Определена семантическая и формальная структура отраженной в протоколе допроса ситуации речевого оскорбления, в том числе представлены ее элементы, маркируемые допрашиваемыми лицами с помощью различных языковых средств.
5. Представлены компоненты структуры оценки во вторичных инвективных высказываниях.
6. Выявлены способы передачи вторичных инвективных высказываний в протоколе допроса.
7. Определена специфика семантической и формальной структуры вторичных инвективных высказываний, а также сопровождаемых их фонационных характеристик.
8. Соотнесены свойства вторичного инвективного высказывания как производного и первичного инвективного высказывания как производящего; выявлены соответствующие деривационные процессы, сопровождающие образование вторичного инвективного высказывания.
9. Представлены результаты акустического анализа первичного инвективного высказывания.
10. Предложен алгоритм верификации достоверности вторичных инвективных высказываний.

Теоретическая значимость работы определена ее результатами – исследование вносит вклад в развитие теории судебной лингвистической экспертизы, а также в методологию исследования вторичных текстов, в частности, вторичных инвективных высказываний.

Практическая ценность работы заключается в возможности использования достигнутых результатов в практике производства судебной лингвистической экспертизы по уголовным делам об оскорблении, а также при проведении

процессуальных действий по получению показаний при расследовании речевого преступления. С учетом современных способов отражения следователями инвективной лексики представлены, в частности, рекомендации по фиксации в протоколе допроса вторичных инвективных высказываний. Материалы и результаты данного исследования могут быть использованы и в дисциплинах, включенных в предметное поле юрислингвистики, а также в курсах по лингвоконфликтологии, правовой коммуникации и прикладной филологии.

На защиту выносятся следующие *положения*.

1. Категория «вторичности» является одной из основных при квалификации протокола допроса как текстового объекта, определяя ряд его языковых аспектов – от жанровой организации документа до включения вторичных инвективных высказываний (репродукций первичных инвективных высказываний) в центральную (описательную) часть протокола.

2. Вторичные инвективные высказывания – уникальное жанровое явление, в основе которого лежит смена субъекта речи. Речевая интенция автора протовысказывания, реализованного в рамках оценочного речевого жанра, отражена в диктумной части вторичного инвективного высказывания, оформленной инвективной лексикой. При этом коммуникативной целью автора вторичного инвективного высказывания является информирование лица, проводящего допрос, о ситуации речевого оскорбления, а значит, оценочный речевой жанр инвективного высказывания, отраженного в протоколе допроса, реализован в рамках информативного речевого жанра.

3. Структура ситуации речевого оскорбления, воспроизводимой допрашиваемыми лицами, представлена в протоколе допроса а) специальным (информация о пространстве и времени ситуации), б) партиципантным (информация об участниках ситуации), в) экстралингвистическим (информация об обстановке и форме общения), г) паралингвистическим (информация о громкости голоса, манере произношения, телесных позах, жестах, мимике участников и т. д.), д) вербальным (репродукция инвективного высказывания) компонентами.

4. Реальное положение дел, соотносимое с ситуацией речевого оскорбления, реконструируется на языковом уровне путем анализа диктумной части протоколов допроса. Семантическая реконструкция ситуации речевого оскорбления показывает, что таким координатам общения, как место и время, соответствуют представленные с разной степенью детализации сирконстанты (локатив и темпоратив), а участникам ситуации речевого оскорбления (Инвектору, Инвектуму и Наблюдателю) – 8 актантных ролей субъектного типа (экзисциенс и экспериенсив, агенс и коагенс, субъект речи и адресат, субъект восприятия и субъект осмысления) и 4 актантные роли объектного типа (пациенс и перцептив, манифестант и объект концентрации). Для Инвектора в протоколе допроса характерна роль субъекта речи, за Инвектумом закреплена роль адресата, а Наблюдатель (наблюдатель-«кооператор», наблюдатель-«посторонний» и наблюдатель-«служащий») часто представлен в роли субъекта восприятия / осмысления. К элементарным событиям, формирующим целостное восприятие ситуации речевого оскорбления, относятся физическое существование и движение,

а также физическое восприятие, физическое, социальное и речевое действия. На языковом уровне им соответствуют пропозиции физического местоположения, физического движения, физического восприятия, физического действия, социального действия и речевого действия. Все это множество элементов ситуации оскорбления, совокупно с самой инвективой, в итоге организуется как иерархическая языковая структура, состоящая из трех блоков: «ситуативный контекст» – «ситуативный центр» – «инвективное ядро».

5. В протоколах допроса имеет место семантическое маркирование, то есть особое выделение, различных элементов ситуации оскорбления. Оно носит факультативный характер и может осуществляться в трех аспектах: а) мультипликация акцентирует внимание на речевом инвективном действии (*говорить... выразиться... оскорблять... угрожать*), значимом участнике события (Инвекторе или Инвектуме) либо инструменте инвективы (*слово, выражение*); б) интенсификация отрицательной оценки подчеркивает табуированность, неприемлемость того же языкового инструмента (*грубое слово, нецензурная брань*); наконец, в) сосредоточенность на причинно-следственной рамке ситуации оскорбления позволяет сконцентрироваться на событии-каузаторе оскорбления либо на сопутствующих оскорблению событиях. Все это убеждает в достаточно высокой степени рефлексии допрашиваемого лица относительно своего свидетельства, а также в осознаваемой им ответственности в отношении дачи достоверных показаний.

6. Структура оценки во вторичном инвективном высказывании включает четыре главных компонента: субъекта (Инвектор) и объекта оценки (Инвектум), собственно оценку, а также ее основание. Оценочный компонент является обязательным, все другие – факультативными. В случае отсутствия компонента в языковом составе высказывания он либо инокорпорирован в семантику связанных с ним компонентов, либо заведен в контекст высказывания.

7. Логическая пропозиция характеристики составляет основу вторичных инвективных высказываний. Данная пропозиция реализуется в трех вариантах: а) стандартном (инвективная оценка оформлена предикатом уничижительной характеристики, $O_{\text{хар.}} - P$); б) развернутом (реализация модус-диктумной структуры с пропозицией речевого действия, *X называл* $O_{\text{хар.}} - P$); в) свернутом (объект и его характеристика представлены в апеллятиве). Кроме того, инвективное содержание может оформляться в рамках событийной пропозиции состояния ($S - P$).

8. В общем контексте описания ситуации оскорбления инвектива вводится в протокол допроса в рамках прямой, косвенной речи или в виде отдельных номинативных единиц с оценочной семантикой. Если же сосредоточиться на самой конструкции инвективного высказывания, то она типично представлена структурными схемами N_{IInvect} , $N_{\text{IInvect}}\text{Adj}_{\text{IInvect}}$, $\text{Pron}_1 N_{\text{IInvect}}$. Инвектива, кроме того, может занимать позиции распространителей структурной схемы либо входить в полупредикативные единицы, располагаясь на конструктивной периферии высказывания.

9. Вторичные инвективные высказывания из протокола допроса

коррелируют с их прототипами – первичными высказываниями, зафиксированными на фонограммах, – на семантическом (диктум представлен логической пропозицией характеристики), коммуникативном (сохраняют черты оценочного речевого жанра) уровнях, а в ряде случаев и на структурном (корреляция конструктивных форм) уровне. Процесс формирования вторичного инвективного высказывания может сопровождаться усложнением семантической структуры за счет появления новых элементов с семантикой негативной оценки либо, напротив, редукцией безоценочных элементов или элементов с футуральной перспективой, характерных для первичного высказывания. Акустическое представление громкости голоса Инвектора коррелирует с его описанием в протоколе допроса через предикаты речевой деятельности и сопутствующие им квалификативы. Вторичные инвективные высказывания, не сопровождаемые фонограммой в материалах уголовного дела, не имеют релевантных структурных, семантических, коммуникативных отличий от вторичных высказываний, обладающих фонографическим прототипом.

10. Достоверность вторичных инвективных высказываний определяется как относительная и поддается верификации, преимущественно посредством использования лингвистических методов.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования отражены в докладах на IX Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры (г. Красноярск, май 2020 года), II Международной научно-практической конференции «Динамические процессы в языке и языковой картине мира» (г. Красноярск, октябрь 2020 года), научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы современной филологии» (г. Красноярск, апрель 2021 года), X научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры, с присуждением диплома I степени (г. Красноярск, май 2021 года), XLII Международной научно-практической конференции «EurasiaScience» (секция «Филологические науки», г. Москва, декабрь 2021 года), LIV Международной научно-практической конференции «Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки» (г. Новосибирск, январь 2022 года).

Структура работы состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, а также приложения. Результаты исследования демонстрируют двенадцать таблиц и двадцать шесть акустических графиков.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** дано обоснование актуальности выбранной темы исследования, определены объект и предмет исследования, обозначены основные цели и задачи работы, охарактеризованы ее теоретическая, практическая значимость, степень научной новизны, предъявлены данные о материале и структуре работы, сформулированы положения, выносимые на защиту, а также представлены сведения об апробации результатов проведенного исследования.

В первой главе «Категория "вторичный текст" в современной науке о языке» разграничиваются понятия «вторичное инвективное *высказывание*» и «вторичный *текст*», обсуждаются теоретические предпосылки исследования, освещаются ведущие концепции изучения и классификации вторичных текстов, описываются основные приемы их построения.

На современном этапе развития общества любые процессы и результаты обработки первоосновного, идеального объекта связаны с категорией вторичности. Практически любой материальный объект, созданный человеком, соприкасается в той или иной степени с явлением вторичности. Будь то предмет изобразительного искусства или производственного труда, литературный / исторический / библейский персонаж или речевое произведение. Все эти факты человеческой деятельности взаимосвязаны и взаимозависимы. Все имеет свойство быть цитируемым, повторенным, положенным в основу. Таков непрерывный процесс развития старого в новом.

Языковая категория вторичности в современной филологии занимает важное место среди прочих фундаментальных понятий языка. Лингвистические словари определяют вторичный текст как новый текст, созданный на основе другого текста, сохраняющий признаки текста-основы (содержательные, конструктивные и т.д.). Понятие «вторичный» текст детерминировано понятием «первичный» текст, именно поэтому исследование репродуктивных текстов с опорой на исходные позволяет установить деривационные особенности и модели вторичного текстообразования.

Носитель языка, используя в своей речи вторичные тексты, с различными целями воспроизводит основное содержание и/или форму базисного текста. При этом вторичный текст может быть максимально содержательно и структурно приближен к оригиналу либо приобретать дополнительные смыслы, изменять свою формальную организацию и вложенный автором в первичный текст замысел.

С учетом цели, объекта и материала исследования целесообразно введение в настоящей работе термина «вторичное высказывание», отличного от термина «вторичный текст». Вторичное инвективное высказывание в протоколе допроса представлено как весьма небольшое речевое произведение, часто с использованием всего нескольких слов, лаконично характеризующих объект оценки. Вторичный текст превосходит вторичное высказывание по объему структурных элементов, в пределах которых реализуются различные текстовые связи, придающие тексту цельность. Вторичный текст соотнесен здесь прежде всего с жанровыми рамками протокола допроса, а семантически – с описанием обстоятельств, элементов и этапов ситуации оскорбления в целом. Во вторичном же высказывании сконцентрированы содержание самой инвективы и оформляющая ее лексика – вербальная квинтэссенция оскорбления.

Тексты, связанные отношениями производности, исследуются в различных аспектах и парадигмах современного языкознания. Например, в теории деривационных отношений категорию вторичности учитывают при анализе отношений в словообразовательных парах, связывают с вторичным значением слова и усложнением внешней структуры производного слова, придавая ей

лексикологическую ориентированность. Однако прежде всего текстовая категория «вторичности» используется для объяснения межтекстовых отношений, где первичный текст выступает в качестве первоосновы, инварианта для его варианта – деривата (Н. Д. Голев, Н. В. Мельник, Л. Н. Мурзин, А. А. Чувакин, С. В. Ионова).

Решение исследовательских задач, поставленных в настоящей работе, основано, в частности, на выделении развертывания и свертывания как основных текстообразующих процессов с учетом объема кратковременной памяти человека, подчиняющегося формуле 7 ± 2 (Дж. Миллер). Развертывание текста связано с ремой предложения, а свертывание – с темой. В предложении всегда развертывается актуальная информация (рема) и свертывается, редуцируется то, что уже освоено, а потому очевидно.

Лингвистический анализ позволяет наблюдать и за другими деривационными процессами – операциями по замещению, инверсии, элиминации и трансформации на синтаксическом, лексическом и семантическом уровнях (Л. Н. Мурзин). Результатом деривационной деятельности становится вторичный текст.

Определение функционального типа протокола допроса как вторичного текста и инвективного высказывания как продукта вторичной текстовой деятельности основано в настоящей работе на анализе деривационных моделей создания вторичных текстов, появляющихся в результате обозначенных выше деривационных процессов.

Ономасиологическая, семасиологическая, семиотическая модели вторичного текстообразования, выделяемые исследователями-лингвистами, основаны на деривационном механизме (Н. В. Мельник, С. В. Ионова, И. В. Савельева). Так, в конспектах, аннотациях, реферативных записях, различного рода текстовых компрессиях, построенных по ономасиологической модели, проявляется отражение концептуального содержания первичного текста (С. В. Ионова). Юмористические рассказы, подражания, переложения, имитации, пародии – результат образования текста с использованием семасиологической модели, основанной на презентации во вторичном тексте поверхностной структуры первичного текста и ликвидации его смысловых доминант (С. В. Ионова). Интернет-комментарий, реализуемый в рамках политической дискуссии, служит примером семиотической модели образования текста, при которой комментируемое событие, его образ, заложенный в основу первичного текста, влияет на текстообразовательную деятельность комментатора (И. В. Савельева).

Выбор модели образования текста обоснован речевой интенцией автора вторичного текста. На основании речевой цели формируется будущий функциональный тип вторичного текста, который может создаваться автором в целях более или менее точного воспроизведения основного содержания текста-основы, семантического разуподобления тексту-источнику, детализации и уточнения исходной темы, максимального сохранения его формально-стилистической организации и др.

Производная природа вторичных текстов, характеризующаяся наличием деривационных отношений с исходным текстом, а кроме того, их модельное, содержательное, конструктивное, жанровое разнообразие становятся причиной

создания множества типологий. В основу разнообразных классификаций вторичных текстов положена идея трансформации, касающаяся изменения формы, содержания и функционального типа первичного текста. Так, результатами преобразований устной формы речи в письменную (и наоборот) являются диктанты, протоколы, устные пересказы, стенограммы (Н. Д. Голев, Н. В. Мельник); семантическая структура текста меняется путем включения новых / исключения прежних смысловых элементов, порождая пародии, стилизации / аннотации, рефераты, тезисы (Н. В. Мельник, С. В. Ионова); родо-жанровая трансформация произведения лежит в основе появления киноадаптаций, сценариев, театральных постановок и т.д. (Н. Д. Голев, Н. В. Мельник).

В целом дериватологические концепции сходятся 1) в единой трактовке исходного и производного текстов, находящихся в деривационных отношениях, а также 2) в понимании необходимых аспектов анализа: синтаксического, лексического, семантического, а кроме того – функционального (анализа родо-жанровых трансформаций). На этом фоне важным направлением исследования вторичных высказываний, извлеченных из протокола допроса, является исследование их речевой цели, содержания и формы.

Именно такое теоретическое осмысление вторичности, для которого характерно представление объекта в структурно-семантическом и коммуникативном контекстах, послужило основой для рассмотрения вторичных высказываний, представленных чужой оскорбительной речью, а также их ситуативного контекста в протоколе допроса.

Вторая глава «Вторичная репрезентация речевой ситуации оскорбления в протоколе допроса» посвящена определению лингвистических характеристик протокола допроса как текстового документа юридической сферы, а также анализу коммуникативных (жанровых) характеристик инвективных высказываний; исследованию семантической и формальной структуры ситуации оскорбления, описанной в протоколе допроса в соответствии с ее конститутивными компонентами – обстоятельствами коммуникации, участниками и их действиями, вербальными и паравербальными средствами, используемыми Инвектором как автором высказывания. В отдельных разделах главы проанализированы структурно-семантические и коммуникативные особенности вторичных инвективных высказываний и исчислены способы представления их в протоколе допроса.

Протокол допроса как тип юридического документа, создаваемый должностным лицом в процессе досудебного разбирательства, включенный в пространство делового общения, составляет, в частности, доказательственную базу по уголовным делам об оскорблении. Информация, переданная допрашиваемыми лицами в процессе допроса в целях прояснения обстоятельств произошедшего, имеет статус доказательств по уголовному делу.

К лингвистическим характеристикам протокола допроса как вторичного речевого жанра, созданного исполнителем юридического документа на основе первичного жанра (собственно допроса), относится строгая кодификация, «протокольность» языковых форм и текстовой структуры (Е. И. Галяшина). В

протоколе допроса прослеживается структура, которая включает а) вступление / вводную часть с разъяснением прав и обязанностей допрашиваемого лица, б) центральную / описательную часть с анкетой и собственно ответами на вопросы следователей по существу дела и в) заключительную / удостоверительную часть, подтверждающую правильность показаний допрашиваемого (Н. М. Татарникова, Л. М. Месропян).

Жанр вторичного инвективного высказывания, реализованного в описательной части протокола допроса, представляет собой особенное жанровое явление, для которого характерна смена авторов высказываний. Так, различие в реализуемых речевых целях позволяет выделить Автора₁ – продуцента первичного инвективного высказывания и Автора₂ – продуцента вторичного инвективного высказывания. Коммуникативные цели этих двух авторов существенно различаются. Если целью Автора₁ является стремление резко изменить субъективную оценочную составляющую личности адресата – его а) актуальное состояние, б) устоявшуюся самооценку и в) публичный образ – в худшую сторону, то целью Автора₂ является репродукция первичного инвективного высказывания, его предъявление следователю, реализованное в рамках информативного речевого жанра.

Оскорбление как речевое преступление включает не только само инвективное высказывание, но и все компоненты включающей его ситуации. Анализ структуры речевой ситуации оскорбления, фиксируемой в протоколе допроса, показал присутствие следующих компонентов в дескриптивной части протокола допроса: а) спационального (информирование о коммуникативном пространстве и времени ситуации речевого оскорбления), б) партиципантного (информирование о ее участниках), в) экстралингвистического (информирование об обстоятельствах общения), г) паралингвистического (информирование о громкости и тембре голоса, интонации, скорости речи, особенностях пауз, артикуляции, передвижениях, телесных позах, жестах, мимике, в том числе положениях и микродвижениях глаз и т.д.) и д) вербального (содержание речевого оскорбления). Таким образом, протокол допроса отражает ситуацию оскорбления в целом и в деталях, а значит, этот юридический документ позволяет решить исследовательскую задачу семантической реконструкции ситуации речевого оскорбления.

Семантический анализ языкового отражения ситуации оскорбления показал следующее.

Координаты общения – пространство и время – представлены в тексте сирконстантами (соответственно локативом и темпоративом).

Особое место в показаниях допрашиваемых лиц занимает обозначение конкретной или приблизительной даты совершения преступления, а также времени суток. При этом через темпоративы уточняется а) местонахождение участников речевой ситуации оскорбления (*Время было после обеда, мы спокойно сидели в нашем автомобиле*); б) совершаемые ими действия и движения (*Примерно в 12 часов 17.11.2014 я услышал шум в фойе Отдела ВККК, лично вышел в фойе*); в) процессуальные мероприятия (*28.02.2014 в кабинет № 104 *** районного суда г.*

*** были доставлены осужденные У и Х <...> для ознакомления с материалами уголовного дела). Детальность темпоратива может варьироваться, связанная с указанием а) на точное календарное время ситуации оскорбления и более или менее точный отрезок поясного времени (Судебное заседание началось в 9 часов 30 минут 9 июля 2013 года); б) на точное календарное время ситуации оскорбления (28.02.2014 в кабинет № 104 *** районного суда г. *** были доставлены осужденные У и Х <...> для ознакомления с материалами уголовного дела); в) неточное календарное время (говорящий указывает лишь приблизительный период, в частности месяц и год (В один из дней апреля 2013 года (число я не помню, так как прошло много времени) я находился на службе)).

Для допрашиваемых лиц, кроме того, характерно использование логических пропозиций временной соотнесенности. Они вводятся посредством союзов, союзных слов и обстоятельств с семантикой следования (*затем, далее, после чего, сразу же, сразу после этого и др.*), одновременности (*сейчас, при этом, в этот момент, в это время, в тот день, когда и др.*) и предшествования (*до того, перед тем как и др.*), что позволяет фиксировать связь отдельных этапов разворачивания ситуации.

Что касается локативов, представленных в протоколах допроса, то их семантика также достаточно разнообразна, связанная с фиксированием социально маркированного пространства ситуации оскорбления (номинативы *кабинет, рабочее место, помещение*), бытового пространства (номинативы *дом, общежитие, подъезд*), наконец, пространства, связанного с перемещением участников (например, *патрулирование территории*). Их репрезентацию обеспечивают типичные предложно-падежные формы *около + N₂, возле + N₂, по + N₃, за + N₅, между + N₅, в + N₆, на + N₆* и др.

Участникам ситуации оскорбления – Инвектору, Инвектуму и Наблюдателю (К. И. Бринев) – на уровне семантического устройства высказывания и текста соответствуют актанты, или семантические роли.

В таблице 1 продемонстрирован ролевой репертуар каждого из названных участников, выявленный по результатам семантического анализа, и его содержательное наполнение.

Таблица 1. Семантические роли участников ситуации речевого оскорбления в протоколе допроса

Участники ситуации речевого оскорбления	Семантические роли в протоколе допроса	
	Актанты субъектного типа	Актанты объектного типа
Инвектум	- экзисциенс - экспериенсив (фиксирование «стартового» ситуативного положения Инвектума – его местоположения и/или социального состояния); - агенс	- перцептив (сосредоточенность на Инвектуме как на объекте восприятия Инвектора); - пациенс (описание Инвектума как объекта воздействия);

	<ul style="list-style-type: none"> - субъект речи (свидетельство физической, социальной и речевой активности Инвектума); - коагенс (акцентуация сотрудничества, единения, совместной деятельности Инвектума); - адресат (актуализация функции получения информации со стороны Инвектума); - субъект восприятия (актуализация восприятия Инвектумом направленной на него инвективы) 	<ul style="list-style-type: none"> - манифестант (репрезентация социального статуса / характеристики Инвектума); - объект концентрации (фиксирование особой сосредоточенности Инвектора на Инвектуме)
Инвектор	<ul style="list-style-type: none"> - экзисциенс -экспериенсив - агенс (фиксирование активной позиции Инвектора как субъекта существования, состояния или действия в ситуации оскорбления) 	<ul style="list-style-type: none"> - перцептив (сосредоточенность на Инвекторе как на объекте восприятия Инвектума или Наблюдателя); - пациент (описание Инвектора как объекта воздействия)
Наблюдатель	<ul style="list-style-type: none"> - экспериенсив (свидетельство об актуальных состояниях участников); - агенс-посторонний - агенс-кооператор - агенс-служащий (фиксирование ситуативного, поведенческого или социального положения Наблюдателя); - адресат (актуализация функции получения информации со стороны органов правоохраны – наделение Наблюдателя статусом понятого); - субъект восприятия - субъект осмысления (трактовка Наблюдателя как сведущего субъекта); - коагенс (интерпретация Наблюдателя как неединственного свидетеля ситуации – с эффектом совместной ответственности) 	-

Семантические роли субъектного типа применяются в протоколах допроса для представления каждого из обозначенных участников – Инвектора, Инвектума и Наблюдателя, и только роль субъекта осмысления (*Следующее, что я помню, что я и X сидели на диване <...>*) закреплена за Наблюдателем. Две роли объектного

типа, манифестант и объект концентрации, также специфичны, регулярно вводимые для уточнения специфических атрибутов Инвектума – его социального статуса (Я находился при исполнении своих должностных обязанностей, был в форменном обмундировании) либо особой сосредоточенности на нем оскорбляющего (<...> повернувшись ко мне <...> повернувшись в мою сторону).

Связывая детализацию с целостным осмыслением ситуации оскорбления, отметим, что она составлена из множества более элементарных событий, которые группируются в несколько типов – физического существования и движения, а также физического восприятия, физического, социального и речевого действия.

Семантический анализ текстов протоколов допроса показал, что на языковом уровне эти события фиксируются через изоморфные им пропозиции физического местоположения, физического движения, физического восприятия, физического действия, социального действия и речевого действия. В случае если эти 6 типовых пропозиций имеют нейтральную оценочность, в их границах описывается поведение участников ситуации, не являющихся субъектами / авторами инвективного высказывания, в частности Наблюдателей и Инвектума.

Вместе с тем обнаружено, что названным пропозитивным типам соответствуют их оценочные варианты, которые представляют активность третьего участника ситуации – Инвектора – как активность напряженную, наступательную, в конечном счете – агрессивную; это пропозиции, названные пропозициями «критического местоположения», «оккупирующего перемещения», «агрессивного действия», «агрессивной жестикуляции», «агрессивного восприятия» и «агрессивного речевого действия». Важно отметить то, что в границах последнего пропозитивного типа часто описываются характеристики голоса, которым были произнесены инвективные высказывания, а именно, его сила и степень громкости, также осмысленные как показатели агрессивности (кричал, орал, громко разговаривал и др.): Она кричала, обращаясь к секретарю Z; X стал снова орать на меня, говорил, обращаясь ко мне: «ты тупой» (см. таблицу 2).

Квинтэссенцией семантического осмысления ситуации оскорбления является еще один пропозитивный тип – пропозиция агрессивного поведения, которая «в чистом виде» передает идею агрессии, оформленная аналитическим способом в словосочетаниях выглядеть агрессивным, стать агрессивным, начать вести себя агрессивно.

Важно, что комплексный характер ситуации оскорбления, который, как показано выше, отражен в различных событийных пропозициях, находит свое регулярное подтверждение и в явлении корреляции. Суть ее состоит в использовании сразу нескольких пропозиций в границах одного фрагмента, взаимосвязанных и представленных как элементы ситуативного целого; см. пример: Я вновь обратился к X с просьбой успокоиться и не вести себя агрессивно, в ответ на что X наоборот, продолжил проявлять агрессию (пропозиция агрессивного поведения) и, подойдя ко мне на расстоянии протянутой руки, менее метра (пропозиция оккупирующего перемещения), стал тыкать в меня пальцем (пропозиция агрессивной жестикуляции),

называя словами грубой нецензурной брани в присутствии находящихся в зале (пропозиция агрессивного речевого действия).

Таблица 2. Пропозитивный состав ситуации речевого оскорбления в протоколе допроса

Пропозиции нейтральные	Примеры	Примеры	Пропозиции с оценочной составляющей
физическое восприятие →	<i>увидеть</i>	<i>глядеть прямо в глаза</i>	← агрессивное восприятие
физическое местоположение →	<i>находиться</i>	<i>стоять на расстоянии около 30 см</i>	← критическое местоположение
физическое движение →	<i>идти</i>	<i>приблизиться на расстояние примерно 30 сантиметров</i>	← оккупирующее перемещение
физическое действие →	<i>заниматься реализацией мясной продукции</i>	<i>перекрыть дорогу эвакуатору</i>	← агрессивное действие
социальное действие →	<i>предъявить служебное удостоверение</i>	<i>выбить из рук удостоверение</i>	← агрессивная жестикауляция
речевое действие →	<i>говорить</i>	<i>обзывать; орать</i>	← агрессивное речевое действие

В протоколах допроса отмечена работа еще одного механизма – семантического маркирования, то есть особого выделения различных элементов ситуации оскорбления. Оно носит факультативный характер и может осуществляться в трех аспектах: а) мультипликация акцентирует внимание на речевом инвективном действии (*говорить... выразиться... оскорблять... угрожать*), значимом участнике события (Инвекторе или Инвектуме) либо инструменте инвективы (*слово, выражение*); б) интенсификация отрицательной оценки подчеркивает табуированность, неприемлемость того же языкового инструмента (*грубое слово, нецензурная брань*); наконец, в) сосредоточенность на причинно-следственной рамке ситуации оскорбления позволяет сконцентрироваться на событии-каузаторе оскорбления либо на сопутствующих оскорблению событиях. Все это убеждает в достаточно высокой степени рефлексии допрашиваемого лица относительно своего свидетельства, а также в осознаваемой им ответственности в отношении дачи достоверных показаний.

В общем семантическая структура отражает объективное положение дел: в ситуации оскорбления знаки невербальных коммуникативных систем в совокупности с вербальным кодом служат индикаторами агрессивного отношения Инвектора к Инвектуму. В ситуации оскорбления Инвектум, подавляемый громким голосом и конфронтационным взглядом Инвектора, оказывается в «оккупированном» пространстве коммуникации.

Переходя от описания ситуации оскорбления к анализу семантической и формальной структуры инвективного высказывания, отметим, что под инвективной оценкой в настоящей работе понимается выражение резко отрицательного отношения адресанта (Инвектора) к адресату высказывания (Инвектуму). Такая оценка может быть направлена как на личность Инвектума, так и на референтную ситуацию, связанную с ним. В качестве основного показателя соответствующего высказывания служит его наполненность инвективной лексикой.

Основными структурными компонентами инвективной оценки являются а) субъект оценки (говорящий, Инвектор); б) объект оценки (адресат инвективного высказывания, Инвектум – его личность или же связанная с ним референтная ситуация); в) оценка (ориентация на шкалу ценностей в границах «нравится – не нравится»); г) основание оценки (аргументы негативного оценивания). Субъект оценки регулярно выражен а) в контекстной части, описывающей в том числе предваряющие обстоятельства исследуемой ситуации (к примеру, *Х шел по дороге, навстречу мне...*) либо б) в ситуативном центре, представляющем ситуацию оскорбления (*Х повернулся ко мне и сказал...*). Позиция объекта может как присутствовать (*Ты корова! Ты идиот! Вы козлы!*), так и быть удалена, если экстралингвистические обстоятельства речевого акта свидетельствуют об однозначности объекта (ср. с предыдущим: *Уродина!; Идиотка!; Жополизы!*). Основание же оценки часто инкорпорировано Инвектором в семантику собственно оценочного компонента высказывания (например, основание эстетического характера – в диапазоне «несовершенство – уродливость»: *Корова в мантии!; Баба Яга!*).

Вторичные инвективные высказывания из протоколов допроса характеризуются семантическим сходством, основанным на негативной оценке лица / его состояния / поведения. Оскорбительная оценка при этом реализуется в границах логической пропозиции характеристики, оформленной инвективной лексикой. Отмеченная пропозиция представлена в протоколах допроса, как правило, в трех вариантах: 1) стандартном, когда инвектива оформлена предикатом уничижительной характеристики ($O_{\text{хар.}} - P$, например, *Ты идиот!*); 2) развернутом, где та же уничижительная характеристика вводится через предикат пропозиции речевого действия (*Х называл* $O_{\text{хар.}} - P$); 3) свернутом – в случае, если объект и его характеристика совмещены в одной позиции – оформлены аппеллятивом (*[Вы что], O_{хар.}, [делаете]*). В редких случаях семантическая структура вторичных инвективных высказываний реализуется в рамках событийной пропозиции состояния ($S - P$, например, *Чё охренел, чё, сука, охуел*).

Конструктивные формы инвективных высказываний указывают на их довольно простую грамматическую структуру, коррелирующую с рассмотренными выше пропозитивными вариантами. Вероятно, это вызвано спонтанностью речевого акта оскорбления и его языковым предназначением – дать прямую негативную характеристику Инвектума. Вторичные инвективные высказывания конструктивно вписываются в а) однокомпонентные и двухкомпонентные структурные схемы, в которых инвектива занимает позицию предикативного

центра: $N_{1Invect}$ (*Говно, Мусор*), $Pron_1N_{1Invect}$ (*Ты моральный урод*); б) двухкомпонентные структурные схемы N_1Vfin , в которых инвектива занимает позицию распространителя структурной схемы (*X называла меня и инспекторов ДПС Z_1 тидорасами, ментами позорными*); в) полупредикативные единицы, относящие инвективу на конструктивную периферию высказывания (*Затем X стал оскорблять и Z_1 , и Z_2 , называя их «чучелами ебаными»*); г) рамки апеллятива, где инвектива одновременно реализует функцию обращения (*Дура, я уже тринадцать лет отсидел...*).

Что касается способов передачи инвективных высказываний, то во вторичном тексте они передаются вполне стандартно: прямой речью (*Мы его подписали, после чего, когда уже собрались уходить, X обращаясь к Z, на его слова «до свидания» сказал дословно «да пошел ты г...ндон штопаный»*), косвенной речью (*Я вышел и сказал в адрес Z, что он «Г...дон штопаный»*) либо отдельными номинативными единицами с оценочной семантикой (*Оскорбляя его словами «сука», «лысая скотина» ...*). Наличие инвективной оценки в таком высказывании является обязательным.

Таким образом, совокупное описание этапов и элементов ситуации оскорбления представлено на конструктивно-формальном и пропозитивном уровнях протокола допроса тремя блоками – «ситуативный контекст», «ситуативный центр» и «инвективное ядро», которые представляют семантическую структуру ситуации и организуют ее репрезентацию в нескольких аспектах,

во-первых, задают рамки для использования ее семантического состава:

- 6 типовых событийных пропозиций, в том числе их варианты со специфическим компонентом агрессивности,
- 3 главных участника – Инвектор, Инвектум и Наблюдатель, в совокупности исполняющих 12 актантных ролей субъектного и объектного типа,
- сирконстанты локатив и темпоратив, с разной степенью детализации обозначающие координаты ситуации;

во-вторых, коррелируют со стратегией изложения ситуации допрашиваемыми лицами, которое фактически распадается на две части:

- в описательной части – дается а) общий «ситуативный контекст» ситуации, а также б) ее «центр», детализированная ситуация оскорбления;
- в цитирующей части – в режиме прямой или косвенной речи воспроизводится само инвективное высказывание, то есть «ядро» речевого конфликта.

Кроме структуры ситуации оскорбления в протоколах допроса выявлен ряд особенностей ее языкового воплощения; имеются в виду

маркированность частного элемента описания: мультипликация значимого участника или события; интенсивная отрицательная оценка инвективы; экспликация причинно-следственных отношений. Это дает допрашиваемому субъекту возможность сделать дополнительный акцент на том, что лично он считает существенными, исходя из собственного представления о ситуации;

изоморфизм реальной ситуации оскорбления и ее языкового аналога. Изоморфизм проявляется не только в соответствии состава участников-актантов,

событий-пропозиций и обстоятельств-сирконстантов, в четкой временной последовательности при изложении событий, но и в несложных синтаксических конструкциях (перечислительные однородные ряды в нарративной части; элементарные структурные схемы в цитирующей части) и в простоте словесного оформления (частотный именительный падеж для актантов, отсутствие образных предикатов, небольшое разнообразие лексики). Все это имеет эффектом высокую ясность описания;

корреляция как принцип представления языковой ситуации, на основании которого в одном фрагменте соотносятся несколько различных пропозиций, демонстрирующих и подтверждающих множественную природу реального оскорбления, которое складывается как целое не только из речевого, но и из проксемического, акционального, жестового, зрительного компонентов. Это является причиной комплексности описания.

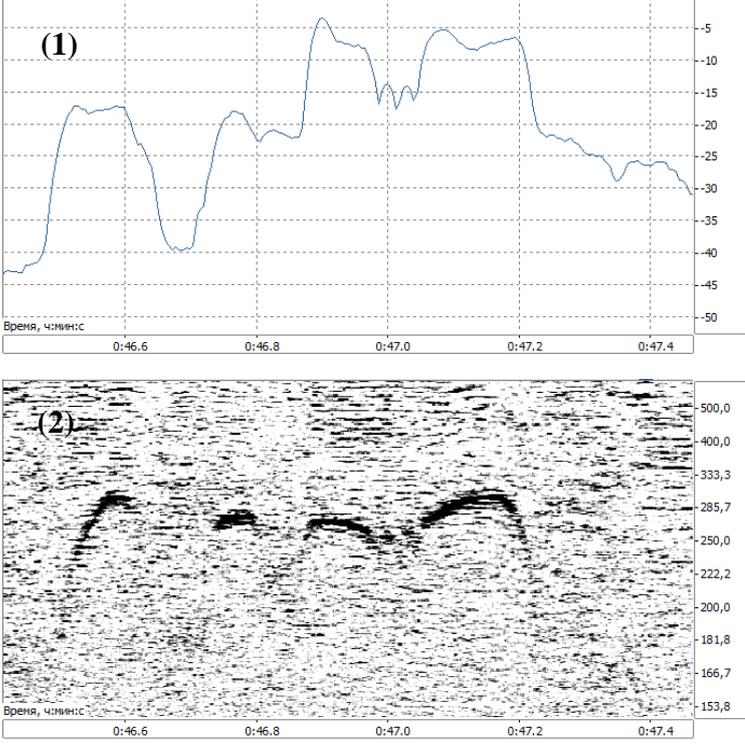
В целом, отмеченные структурные и специфические компоненты языковой ситуации оскорбления из протоколов допроса свидетельствуют о ее достоверности и объективном характере. Она помогает реконструировать положение дел в действительности, средоточием которого является речевое высказывание оскорбления.

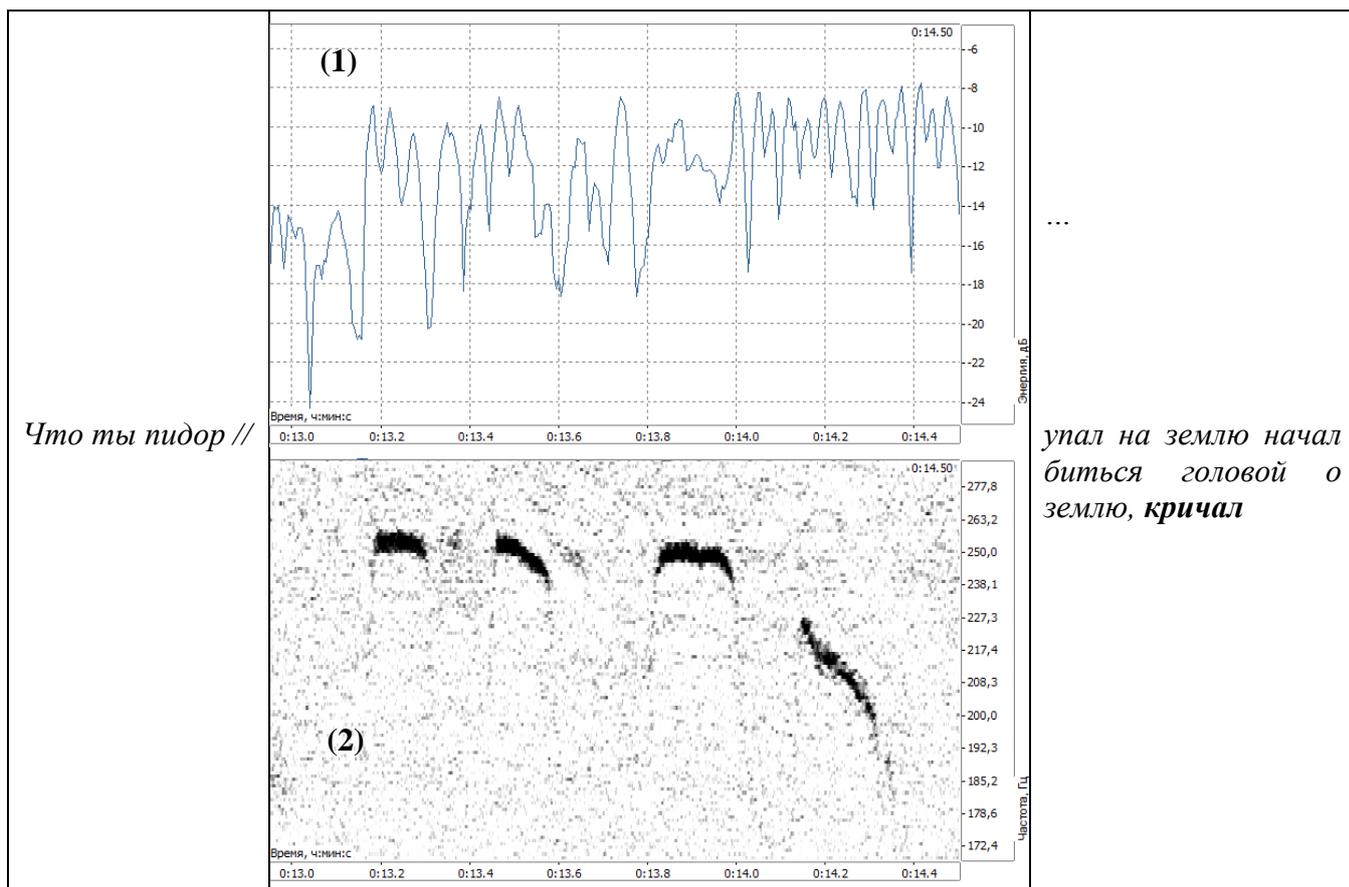
Третья глава «Инвективные высказывания в аспекте сопоставления» посвящена сравнительному лингвистическому анализу 1) вторичных инвективных высказываний из протокола допроса с высказыванием-основой (фонограммой) и 2) вторичных инвективных высказываний, имеющих фонографическую основу, с вторичными инвективными высказываниями, не имеющими таковой в материалах уголовного дела. Кроме того, в этой части работы представлен алгоритм верификации достоверности вторичных инвективных высказываний.

Исследование вторичных инвективных высказываний из протоколов допроса в их соотношении с записями первичных устных высказываний показало наличие между ними межтекстовых, деривационных отношений. А именно, анализ особенностей реализации и трансформации вторичных инвективных высказываний, зафиксированных в протоколах допроса, в аспекте их синтаксического, семантического и коммуникативного соответствия первичным высказываниям, показывает, что процесс формирования вторичного инвективного высказывания может сопровождаться некоторым усложнением семантической структуры за счет появления новых элементов с семантикой негативной оценки; ср.: *Вы вообще конченые* // и: *Пидор конченный; Мусор; Козел ебанный*. Возможна, напротив, редукция безоценочных элементов или элементов с футуральной перспективой, имеющих в первичном высказывании; ср.: *Я хочу сказать / что ты / допустим / пидорас* // и: *Ты пидорас*. Элиминация структурных компонентов высказывания; соединение структурных элементов нескольких высказываний в одно высказывание; появление новых лексем и/или преобразование первичных лексем – являются результатами деривационных процессов – компрессии и контаминации; ср.: *Дура* // *Слышь / э / овца ебаная* // *Дуры / Вы дуры ебанные* // *Вы пидорасы* // и: *Ебаная, пидорас, дуры ебанные, пидорасы; Хули ты меня / сучка / снимаешь* // и: *Хули ты мне сука снимаешь*.

Кроме того, сопоставительный анализа характеристик голоса Инвектора, с одной стороны, отмеченных в протоколах допроса, а с другой стороны, зафиксированных на фонограммах его акустических характеристик, иллюстрирует соотношение этих двух характеристик (см. таблицу 3). Фонационные особенности первичных высказываний соотносятся с языковым описанием характеристик голоса Инвектора из протоколов допроса. В приведенных примерах акустическое представление голоса Инвектора (см. таблицу 3) свидетельствует о восходяще-нисходящей интонации Инвектора, достаточно высокой громкости произнесения первичных высказываний (пик энергии речевого сигнала прослеживается на -8 Дб для слова *пидор*, и на -3,5 Дб для слова *пидорасы*), что соответствует описанию характеристик голоса в протоколах допроса через предикат речевой деятельности *кричал*. Также в протоколах допроса встречаются сопутствующие речевым предикатам квалификативы, свидетельствующие о громкости голоса Инвектора (*стал громко называть, громко назвала, громко выражался, очень громко выражался, высказывал в повышенном тоне*). Такая корреляция «косвенных» и «непосредственных» характеристик голоса Инвектора является в числе прочего свидетельством достоверности показаний допрашиваемых лиц.

Таблица 3. Соотношение характеристик голоса Инвектора, описанных в протоколе допроса и зафиксированных на фонограмме

Первичные инвективные высказывания	График энергии речевого сигнала первичных инвективных высказываний (1) Кепстрограммы первичных инвективных высказываний (2)	Описание громкости голоса Инвектора в протоколах допроса
<p><i>Вы пидорасы //</i></p>	 <p>(1)</p> <p>(2)</p>	<p>... последний был в агрессивном состоянии, кричал на сотрудников полиции грубой нецензурной бранью</p>

Исследование двух типов вторичных инвективных высказываний – 1) имеющих и 2) не имеющих фонограмм оригинальных высказываний в материалах уголовного дела – показывает идентичность их устройства на формально-конструктивном, семантическом и коммуникативном уровнях. Так, выделенные инвективные высказывания имеют типовую семантику, эксплицированную логическими пропозициями характеристики, где адресат выступает в роли объекта характеристики (ср.: 1) *Мусор; Пидор конченный* и: 2) *Мусора; Пидорасы*), или событийной пропозицией состояния, где адресат представлен ролью субъекта состояния (ср.: 1) *Чё охренел, чё [сука] охуел* и: 2) *Вы чё-то [на хуй] вообще охуели [ебаный в рот]*).

Кроме того, сопоставляемые инвективные высказывания схожи по своей синтаксической организации, оформляемые структурными схемами $N_{1Invect}$, $Pron_1N_{1Invect}$, $N_1N_{1Invect}$, $Pron_1V_{finInvect}$ и др. Структурные схемы N_1V_{fin}, N_4N_5 и $Pron_1V_{fin}, N_4N_5$, а также их трансформации (N_1V_{fin} , называя N_4N_1 .) позволяют оформлять оценочный номинатив как дополнение при предикате речевого действия (ср.: *он назвал меня мусором*; и: *он стал высказывать оскорбления, называя меня мусором*).

Заключительный раздел третьей главы посвящен анализу степени достоверности вторичного инвективного высказывания. Определено, что при описании степени соответствия вторичных инвективных высказываний действительности наиболее корректным является употребление термина «относительная достоверность», что не исключает большую или меньшую степень

несоответствия таких высказываний действительности, их обусловленность особенностями сознания допрашиваемого лица, пересказывающего событие.

Алгоритм верификации достоверности вторичных инвективных высказываний опирается в настоящем исследовании на знание об объеме кратковременной памяти человека (7 ± 2 знака), на правовую модель верификации сообщаемого путем сопоставления сведений из разных протоколов допроса, а также на приемы лингвистического анализа семантики и структуры вторичных высказываний, маркеров персуазивности и авторизации. Анализ включает 4 последовательных этапа (см. таблицу 4).

Таблица 4. Этапы верификации относительной достоверности вторичных инвективных высказываний

Инвективное высказывание	Этап 1. Количество лексических компонентов	Этап 2. Сравнение инвективных лексем из всех протоколов допроса по одному уголовному делу, где «\Rightarrow» – совпадение лексического состава	Этап 3. Наличие лексико-грамматических маркеров авторизации и персуазивности в протоколе допроса, где «\rightarrow» – наличие маркера авторизации, «\leftarrow» – отсутствие маркера персуазивности	Этап 4. Определение минимальных структурных схем простых предложений (предикативных центров)
<i>Мусора</i>	1	=	+ / –	$N_{1Invect}$
<i>Пидорасы</i>	1	=	+ / –	$N_{1Invect}$
<i>Тварь, я убью тебя</i>	4	=	+ / –	$Pron_1 V_{fin}$, при этом инвективная лексика занимает позицию апеллятива (N_1)

Так, вторичные инвективные высказывания имеют тождественное содержание и соответствуют «мнемонической формуле» Дж. Миллера (не превышают девяти лексических элементов). Анализ на третьем этапе показывает обязательное присутствие в высказываниях маркеров авторизации и одновременно отсутствие маркеров уверенности / неуверенности автора в достоверности сообщаемого. При этом отсутствие языковых средств выражения уверенности является свидетельством достоверности сообщаемого, поскольку в норме уверенность не нуждается в вербализации говорящим. Исследование структурно-семантических особенностей вторичных инвективных высказываний на четвертом этапе позволяет сделать вывод об идентичности их содержания, основанного на презентации инвективной лексики в единообразных минимальных структурных

схемах ($N_{1Invect}$, $Pron_1 V_{fin}$) либо в позиции апеллятива (N_1).

В заключении обобщаются результаты проведенного исследования.

На основании проведенного исследования установлено, что вторичные инвективные высказывания, отраженные в протоколах допроса по уголовным делам об оскорблении – конечный продукт восприятия и понимания реципиентами инвективного высказывания, адресованного Инвектуму в ситуации речевого оскорбления. Проблема вторичности, а отсюда и достоверности инвективных структур мотивировала их исследование в аспекте семантико-синтаксической, коммуникативной организации, а также ситуативного контекста их реализации.

«Генетическая» связь «первичного» и «вторичного» инвективного высказывания заключается в том, что вторичное высказывание а) создается с опорой на исходное высказывание, произнесенное Инвектором в адрес Инвектума в ситуации оскорбления; б) транслируется допрашиваемым лицом в преобразованном виде, подчиняясь принципу деривационно-мотивационных отношений; в) содержит маркированную оценочную – инвективную – лексику.

Ситуация речевого оскорбления представлена в формате, в пределах которого в протоколе допроса описываются 1) события, предваряющие речевой акт оскорбления («ситуативный контекст»); 2) действия, поведение Инвектора во время реализации речевого акта оскорбления («ситуативный центр»); а также 3) собственно инвективное высказывание («ситуативное ядро»).

Объективный статус участников ситуации речевого оскорбления подтверждается в протоколе допроса семантически, посредством реализации через набор актантов субъектного и объектного типов. Соотношение типов участников и типов актантов указывает на закрепленность в протоколе допроса за Инвектором роли субъекта речи, за Инвектумом – адресата, а за Наблюдателем – субъекта восприятия / осмысления. Представленные в протоколах допроса пропозиции местоположения, действий, движения, жестового и зрительного поведения Инвектора при произнесении им оскорбительного высказывания отражают то положение дел, что адресант инвективы располагается напротив Инвектума, сокращает дистанцию, смотрит в глаза, импульсивно двигает руками и ногами, использует неприличные жесты, кричит.

Анализ семантико-синтаксической организации вторичных инвективных высказываний показал прозрачность и относительную простоту их устройства. Типовая семантика исследуемых высказываний представлена в границах логической пропозиции негативной характеристики ($O_{хар} - P$) либо событийной пропозиции неадекватного состояния ($S - P$). Минимальные структурные схемы, оформляющие эти пропозиции, могут быть однокомпонентными ($N_{1Invect}$) либо двухкомпонентными ($N_1 N_{1Invect}$, $Pron_1 N_{1Invect}$, $Pron_1 V_{finInvect}$ и др.), с небольшим числом распространителей; часто инвектива оформляется и как апеллятив. Такая структурная «элементарность» объясняется предназначением инвективы – дать прямую и резкую негативную характеристику адресату (его действиям) с целью оскорбить, унижить его честь и достоинство.

Анализ вторичных инвективных высказываний в аспекте дериватологии, проведенный путем сопоставления вторичных инвективных высказываний с

оригинальными, зафиксированными на фонограмме, показал максимальную степень их формально-семантической, коммуникативной сближенности. Кроме того, установлено соответствие фонационных характеристик голоса Инвектора, отраженных в протоколе допроса, часто описываемых как *крик*, акустическим характеристикам его голоса на фонограмме. Сравнение двух типов вторичных инвективных высказываний (имеющих и не имеющих фонографическую основу) показало их семантико-синтаксическую и жанровую идентичность.

В пользу достоверного, объективного изложения информации о ситуации оскорбления указывает детализация в протоколах допроса места и времени события (локатива и темпоратива); фиксация отсутствия / присутствия в памяти деталей ситуации / уверенности в достоверности сообщаемого; акцент Наблюдателя на кооперативность восприятия, объяснимую желанием подчеркнуть достоверность описанного; маркирование причинно-следственных связей, экспликация сопутствующего оскорблению события; а кроме того, сама форма представления вторичных высказываний. Все это можно охарактеризовать как стремление социально ответственных, рефлексизирующих участников ситуации оскорбления быть предельно точными при ее трансляции в момент допроса.

Таким образом, вторичные инвективные высказывания передают заложенную в исходное высказывание негативную оценку и коммуникативную цель Инвектора. Фиксация ситуативного контекста оскорбления в протоколах допроса, а также сохранение во вторичных высказываниях основного для них смыслового и формального компонента – инвективной лексики – позволяет последним претендовать на статус объекта судебной лингвистической экспертизы.

Перспектива исследования видится в изучении реконструкционного потенциала протокола допроса, а также во введении в теорию и практику судебной лингвистической экспертизы понятия «вторичное инвективное высказывание».

Приложение содержит рекомендации для следователей по фиксации вторичных инвективных высказываний в протоколе допроса. Рекомендации основаны на проведенном анализе современных эвфемистических форм представления инвективной лексики в протоколах допроса.

Основные результаты диссертационного исследования представлены автором в 11 научных публикациях.

В изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

1. Шульгина, К. В. Достоверность репродуктивного высказывания-оскорбления (на материале протоколов допроса) [Электронный ресурс] / К. В. Шульгина, Е. В. Осетрова // Сибирский филологический форум. – 2022. – № 1 (18). – С. 66–78. Режим доступа: <http://sibfil.ru/index.php/sibfil/article/view/244>.

2. Шульгина, К. В. Источники сведений о речевой ситуации оскорбления при решении экспертных задач / К. В. Шульгина // Филология и человек. – 2021. – № 2. – С. 88–96.

3. Шульгина, К. В. Лингвистическая корреляция первичного текста и его вербальной репродукции в протоколе допроса [Электронный ресурс] / К. В. Шульгина // Сибирский филологический форум. – 2021. – № 3 (15). – С. 33–

43. Режим доступа: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-15-3-83>.

В научных изданиях РИНЦ:

4. Шульгина, К. В. Вербализация жеста в протоколе допроса / К. В. Шульгина // Актуальные проблемы современной филологии: материалы XXII международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и школьников. – Красноярск, Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – 2021. – С. 86–88.

5. Шульгина, К. В. Вербальное представление фонационных характеристик речи в протоколе допроса [Электронный ресурс] / К. В. Шульгина // XXI Международный научно-практический форум студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука XXI века»: материалы IX Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры. Электронное издание. Красноярский педагогический университет им. В.П. Астафьева. – 2020. – С. 54–56. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43835130>.

6. Шульгина, К. В. Время преступления: темпоратив в показаниях допрашиваемых (на материале протоколов допроса) [Электронный ресурс] / К. В. Шульгина // EurasiaScience: сборник статей XLII международной научно-практической конференции EurasiaScience. – Москва: «Научно-издательский центр «Актуальность.РФ», 2021. – С. 167–168.

7. Шульгина, К. В. Просодия оскорбления [Электронный ресурс] / К. В. Шульгина, А. В. Пасько // Теория и практика судебной экспертизы. – 2021. – № 16(1). – С. 92–99. Режим доступа: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-1-92-99>.

8. Шульгина, К. В. Способы и проблемы фиксации ненормативной лексики в протоколе допроса [Электронный ресурс] / К. В. Шульгина // Юрислингвистика. – 2020. – № 17 (28). – С. 8–11. Режим доступа: [https://doi.org/10.14258/leglin\(2020\)1702](https://doi.org/10.14258/leglin(2020)1702).

9. Шульгина, К. В. Чужая речь в протоколе допроса как вид вторичного текста [Электронный ресурс] / К. В. Шульгина // Сибирский филологический форум. – 2020. – № 4 (12). – С. 21–28. Режим доступа: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-60>.

10. Шульгина, К. В. Языковое отражение невербальной коммуникации в протоколе допроса [Электронный ресурс] / К. В. Шульгина // XXII Международный научно-практический форум студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука XXI века»: материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры. Электронное издание. Красноярский педагогический университет им. В.П. Астафьева. – 2021. – С. 78–81. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46430806>.

11. Шульгина, К. В. Языковое представление места преступления в протоколе допроса / К. В. Шульгина // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки: сб. ст. по матер. LIV междунар. науч.-практ. конф. № 1(46). – Новосибирск: СибАК, 2022. – С. 57–60.